

Рене Жирар.

Вещи, сокрытые от создания мира / Перевод с франц.

А. Лукьянова, О. Хмелевской. — М.: Издательство ББИ, 2016. — XIV + 518 с.

«Вещи, сокрытые от создания мира» Рене Жирара, вышедшие на русском языке в начале этого года, считаются главным текстом автора, наиболее полно раскрывающим его теорию. Это монументальная работа из трех разделов-книг, посвященных применениям миметической теории к трем областям знаний — антропологии, теологии и психологии. Так вышло, что основные идеи, которые раскрывает в этих частях Жирар, есть и в более ранних или более поздних работах, уже переведенных на русский. С его антропологией русскоязычные читатели могли познакомиться в «Насилии и священном», с богословием — в «Козле отпущения» и «Я вижу Сатану, падающего, как молния», с психологией — в «Критике из подполья». Издание «Вещей...» после этих книг можно считать несколько запоздалым, с другой стороны, эта книга обобщает теорию Жирара и сводит отдельные темы других работ воедино. Здесь мы рассмотрим те моменты, которые специфичны именно для «Вещей, сокрытых от создания мира».

Эта книга не написана автором. «Вещи...» представляют собой разговор Жирара с французскими психиатрами Жаном-Мишелем Ургуляном и Ги Лефором. Это, однако, сложно назвать диалогом, потому что Ургулян и Лефор не оспаривают Жирара, задают только наводящие вопросы. Они дают уточняющие комментарии, «миметически» подражая языку и ходу мысли самого Жирара, и в целом выступают не столько как собеседники, сколько как слушатели. Не случайно эту работу называют «катехизисом»¹. Тем не менее, устность, обращен-

АНДРЕЙ СТРОЦЕВ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
РЕНЕ ЖИРАРА
«ВЕЩИ, СОКРЫТЫЕ
ОТ СОЗДАНИЯ МИРА»**

«Вещи, сокрытые от создания мира» Рене Жирара, вышедшие на русском языке в начале этого года, считаются главным текстом автора, наиболее полно раскрывающим его теорию. Это монументальная работа из трех разделов-книг, посвященных применениям миметической теории к трем областям знаний — антропологии, теологии и психологии. Так вышло, что основные идеи, которые раскрывает в этих частях Жирар, есть и в более ранних или более поздних работах, уже переведенных на русский. С его антропологией русскоязычные читатели могли познакомиться в «Насилии и священном», с богословием — в «Козле отпущения» и «Я вижу Са-

¹ Жирар — теоретик судьбы. <http://gefter.ru/archive/16562>

ность слова к конкретному человеку, делают «Вещи...» самой живой книгой автора, к тому же полной специфического юмора в духе «Г. Л.: Вы жестоки. Р. Ж.: Я, безусловно, слишком жесток...» [46]. По воспоминаниям самого Жирара, разговор проходил в «праздничной, даже немного магической атмосфере» [293].

В первой части Жирар, во многом повторяя «Насилие и священное», подробно проговаривает свою теорию происхождения культуры и религии из коллективного насилия против жертвы отпущения, которое выводит людей из замкнутого круга соперничества всех со всеми в пространство относительного мира. Он применяет свою интерпретацию к разным культурным явлениям, к рассмотренным в «Насилии и священном» монархии и семейным структурам здесь добавляются охота, приручение животных, сооружение могил и другие. Не останавливаясь на этом, Жирар высказывает мысль, что миметизм запустил процесс гоминизации, что человек, как мы его знаем, появился именно в результате этой насильственной динамики. При этом автору удастся сочетать радикализм с ортодоксальностью, ведь эта идея в каком-то смысле только уточняет библейскую историю о Каине и Авеле.

Библии посвящена вторая часть книги, ставшая дебютом Жирара в богословии. Здесь он впервые предлагает свое видение принципиальной разницы между мифологией и библейским повествованием. И те, и другие тексты рассказывают об одном и том же: это истории соперничества двойников, кризисов, линчевания. Но миф, согласно Жирару, неизбежно является историей преступления, рассказанной самими преступниками, поэтому он скрывает многое и от рассказчика и от слушателя. Говоря об этой маскировке, автор приводит пример из Леви-Стросса, его интерпретацию двух мифов североамериканского племени оджибве и океанийского племени тикопа. Обе истории заканчиваются изгнанием героев, совершивших преступление. В первом случае персонажа загоняют в море, в другом случае его гонят к краю скалы, но он чудесным образом взлетает в небо. Но для Леви-Стросса это «устранение» касается только структурной игры знаков: «В обоих случаях тотемизм как система базируется на остатке от обедненной совокупности. В каждом случае эта дискретность получается благодаря элиминации каких-то порций непрерывного» [126]. Увидеть в изгнанных мифических героях не элемент символического языка, а реальных людей, жертв, Леви-Строссу мешает характер самой мифологии, заметающей следы действительного насилия.

Но в Библии, как показывает Жирар на примерах историй Каина, Иосифа, пророков, это насилие не скрывается и не оправдывает-

ся. Описывая ситуации «все против одного», Ветхий Завет защищает «козла отпущения» и осуждает гонительское большинство. Жирар прослеживает в Библии развитие этого понимания. Пятикнижие запрещает «преступное» насилие, но сохраняет представление о божественном отмщении и устанавливает религиозное, ритуальное насилие. Более поздние, особенно пророческие книги уже критикуют жертвоприношения, переосмысливают возможность жестокости Бога. Но, по мнению Жирара, «только евангельские тексты достигают того, что не удалось Ветхому Завету» [196], окончательно разделяя божественное и насильственное. Христос говорит о Боге, что «Он благ и к неблагодарным и злым» (Лк. 6:35). Он также раскрывает «сокровенное от создания мира» (Мф. 13:35), указывая на насильственную природу всего человечества, напоминая обо всех убийствах «от крови Авеля праведного» (Мф. 23:35). Осуждая человеческое насилие, отрицая насилие божественное, Христос также говорит, что религия, жертвоприношение больше не могут решать человеческие конфликты: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5:24–25).

Однако вместо того, чтобы прочитать Ветхий Завет в свете Нового, историческое христианство переосмыслило Новый Завет через Ветхий, создав то, что Жирар называет жертвенной интерпретацией смерти Христа. Это понимание, согласно которому Богу необходима была смерть его Сына для спасения мира, а распятие стало совершенным жертвоприношением Богу. По мнению Жирара, эта мысль, хоть и стала основной для всего христианского мышления, принципиально противоречит Евангелию. В жертвенной интерпретации Бог вновь становится нуждающимся в насилии, люди, распявшие Христа, превращаются в слепые инструменты (при этом их продолжают обвинять), а воскресение становится прямым результатом распятия. Смерть Христа остается вписанной в круговорот священного. Жирар предлагает понять то же событие не как часть некоего божественного плана, но как трагедию, хотя и неизбежную, потому что «Логос насилия может существовать, только изгоняя истинный Логос и в известном смысле паразитируя на нем» [321], потому что «насилие не может потерпеть, чтобы в его царстве был кто-то, кто ничего ему не должен» [253]. Смерть Христа не истребляет зло, но она сильнее всего свидетельствует о нем, делает его очевидным. Воскресение Христа, если мы освободимся от жертвенной интерпретации, оказывается выходом за пределы порочной связи жизни и смерти, впервые являет жизнь, совершенно не связанную со смертью, не нуждающуюся в

ней. Критикуя христианство как религию, Жирар неожиданно встает на защиту самых «мифических» его догматов — божественности Христа, Его девственного зачатия Марией, Воскресения, утверждая, что вне жертвенной интерпретации мы можем увидеть эти вещи вне насильственного воображения, причем, возможно, впервые. Жирар поразительно сравнивает ситуацию современного мира, который все более «дехристианизируется», при этом все более приближаясь к настоящему пониманию Евангелия, с бегством двух учеников из Иерусалима в Эммаус, которые думали, что оставляют Христа все дальше позади, но не знали, что это Он идет рядом с ними и объясняет им Писание.

Позже Жирар отказался от мысли, что понятие жертвы всегда искажает евангельское откровение, предложив разграничение между жертвой другого и жертвой себя. Это иногда оценивается как предательство автором своих лучших идей, но можно понять это и как признание возможности жертвы, совершенно не нуждающейся в насилии, жертвы другого рода. Интересно сравнить теорию Жирара и евхаристическое богословие Александра Шмемана, который, подобно Жирару, считал превращение христианства в «религию» грехом и трагедией, но считал центральным понятие жертвы, однако жертвы не как устранения «козла отпущения», а как дара и благодарности.

Третья часть посвящена глубинному уровню теории Жирара — миметическому желанию. Автор размышляет о свойственной человеку потребности всегда искать двойника-соперника, который становится одновременно и образцом, и препятствием. Вместе со своими собеседниками-психиатрами он рассматривает через призму этой теории такие явления, как безумие, садомазохизм, гомосексуальность, показывая, насколько близко к «нормальной» жизни то, что часто считается патологией. Жирар вновь обращается к библейскому повествованию, прослеживая, как оно открывает правду о человеческом соперничестве. По его мнению, предложенное Евангелием подражание Христу — это путь к освобождению от насильственного миметизма, поскольку Христос не может стать для нас соперником и конкурентом: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7:7). Завершает книгу сравнение психологического препятствия, скандала, с камнем у гроба, за которым мертвое тело. Идущие утром воскресенья женщины «думают только о трупах, о бальзамировании, о склепе» [499], как и вся пропитанная смертью человеческая культура. Но когда они приходят, то не находят ни препятствия, ни тела. «И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик» (Мк. 16:4).